

Гузович Д., Гузович И. Габриэль Ламе в России, или один из ликов Януса / Науч. ред. В. Е. Павлов. СПб.: Полтораки, 2015. 138 с.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ДЕМИДОВ*

Перед нами книга известных историков науки Д. Ю. и И. Д. Гузовичей, хорошо знакомых специалистам по истории техники работами о развитии техники и инженерного дела в России в XVIII–XIX вв., а более широкому читателю — исследованиями о знаменитом «посольстве» в Западную Европу Петра Великого, ставшем поворотной точкой в истории нашего отечества. На этот раз это книга о замечательном французском инженере, математике и механике Габриэле Ламе (1795–1870), известном своими достижениями в области математического анализа (вспомним хотя бы о функции Ламе), геометрии, теории чисел (напомним о его широко известной попытке доказательства Великой теоремы Ферма), теории упругости и математической физики. Один из крупнейших теоретиков, он в то же время был замечательным инженером, о чем свидетельствуют его труды по проектированию мостов, испытанию цепей висячих мостов, о качестве железа, солеварении, о расчете инженерных сооружений, по проектированию и эксплуатации железных дорог. Член Академии наук Института Франции (избран в 1843 г.), он уже с 1829 г. состоял членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Последнее стало результатом его успешной, длившейся более 11 лет работы в Петербурге, куда он, выпускник Политехнической

(1817) и Горной (1820) школ, был приглашен в 1820 г. в качестве профессора Института корпуса инженеров путей сообщения. Работа его в Петербурге была в высшей степени успешной. Начал он ее в ранге майора, а закончил полковником, удостоенным ряда орденов Российской империи. Вместе со своим коллегой и другом Б. П. Э. Клапейроном (1799–1864) он участвовал в расчетах и проектировании Исаакиевского собора, мостов через Москву-реку, Яузу и Лугу. Ламе принадлежит расчет формы Александровской колонны (контура знаменитого «Александровского столпа») на Дворцовой площади Санкт-Петербурга.

Специалист, знакомый с русской историко-научной литературой, конечно, вспомнит, что творчеству Ламе посвящена обстоятельная научная биография М. М. Ворониной, вышедшая в Научно-биографической серии Академии наук СССР в 1987 г. Эта книга содержит основательный анализ творчества Ламе, прежде всего в области математики, механики и инженерного искусства. Петербургскому периоду жизни Ламе в ней отведены две главы, то есть большая часть книги. И читатель вправе поинтересоваться, что же нового сообщили в своем сочинении супруги Гузовичи?

Рецензируемая нами книга написана на основе совершенно неизвестных ранее архивных материалов, впервые обнаруженных и проанализированных Гузовичами. Это документы из различных государственных архивов

* Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14. E-mail: serd42@mail.ru.

Франции, доступ к которым для советских исследователей оказывался чрезвычайно затрудненным (напоминаю, что книга Ворониной увидела свет в 1987 г.), а также из частных архивов, в период написания книги принадлежавших потомкам Ламе и Клапейрона. Привлечение этих материалов позволило авторам не только более подробно и выпукло обрисовать петербургскую жизнь Ламе, его семьи и его ближайшего окружения (прежде всего только что упомянутого его близкого друга – выдающегося инженера, физика и механика Клапейрона, «второго лика Януса»), но и всей столичной французской колонии. Заметим, что сколь-нибудь систематическое изучение феномена национальных колоний Петербурга по большому счету началось сравнительно недавно. Так, одним из поводов погружения в реалии жизни немецкой колонии (а это было самое большое и наиболее влиятельное из нерусских национальных сообществ столицы) стала работа о происхождении одного из величайших математиков XIX столетия – создателя теории множеств Георга Кантора (1845–1918)¹. В книге Гузевичей их герой оказывается погруженным в насыщенную социальными и культурными событиями жизнь Петербурга 20-х гг. XIX в. – это различные салоны, прежде всего французские: «...французский круг у генералов Базена, Сеновера и пр.» (с. 55), кружок выпускников парижской Политехнической школы, Французское благотворительное общество в Петербурге под председательством французского посла. Это и регулярные встречи на

квартире М. В. Остроградского на Васильевском острове. Наконец, это собрания на квартире у самого Ламе, который со своим семейством проживал у Аничкова моста, – в одном из частных архивов во Франции сохранился воспроизведенный в книге рисунок «Семейный вечер у Ламе в Петербурге». Круг лиц, собиравшихся в этих салонах, был достаточно широким, кроме коллег Ламе по Институту путей сообщения и других видных петербургских французов (среди них, например, Ксавье де Местр – легендарный Ксаверий Ксавьеревич), мы видим здесь Н. М. Карамзина, Н. И. Греча, Ф. В. Булгарина, А. С. Пушкина. Конец этой насыщенной светской жизни, бывшей ключом в первой половине 1820-х гг., для Ламе и Клапейрона (двух «ликов Януса»!) положила новая эпоха, началом которой стало вступление в конце 1825 г. на российский престол императора Николая I. Общая атмосфера начала меняться, и все более не ко двору оказывались либеральные настроения, царившие в ближайшем окружении Ламе. Произошедшая в 1830 г. во Франции революция и ее результаты (прежде всего избрание на трон «короля-гражданина» Луи-Филиппа) вызвала у Николая I резкое неприятие и породило в обществе подозрительное отношение к петербургским французам. «Французские семьи, – писал в марте 1828 г. Ламе (с. 60), – покидают Россию. Круг нашего общения резко сокращается, и если только не вливаться в русское общество, которое не подходит нам и которому не подходим мы, наш салон грозит превратиться в пустыню. Меня эта перспектива не пугает. Я достаточно люблю одиночество. Но моя жена, у которой нет математики для того, чтобы

¹ Синкевич Г. И. Георг Кантор & Польская школа теории множеств. СПб.: СПбГАСУ, 2012.

усердно ею заниматься, и которая не может даже пообщаться с мужем, когда он усердно работает, в полном праве начать жаловаться, и меня это беспокоит». В конце 1820-х гг. он сам и Клайперон все более проникались идеями Сен-Симона. Общая обстановка в Петербурге стала для друзей невыносимой, и они, несмотря на материальные потери (они еще не выслужили пенсии), предпочли уйти в отставку. «Николай I отнесся к ним очень благожелательно и отставка была почетной», — пишут авторы (с. 72). Я специально останавливаюсь на этих подробностях, может быть, кажущихся излишними для короткой рецензии, для того, чтобы, во-первых, показать ту глубину проникновения в материал, которая стала возможной в результате изучения большого количества архивных или малоизвестных источников, привлеченных авторами. И, во-вторых, чтобы продемонстрировать, как анализ этих материалов позволил им дать, как нам кажется, совершенно убедительное решение загадки их неожиданного отъезда во Францию, который в литературе трактуется по-разному с привлечением ничем не подтвержденной аргументации (вплоть до таких не имеющих отношения к действительности утверждений, что «Николай I в трехдневный срок выслал из России и Ламе, и Клапейрона»).

Книга познакомит читателя с социальным и культурным контекстом, в котором Ламе и Клапейрон жили и творили. Он найдет также наиболее полную библиографию трудов Ламе, изданных в петербургский период его жизни, выявлены также все работы, написанные уже во Франции, но по материалам, собранным или проработанным еще в России. Авторы увлечены своим героем, можно сказать

больше, влюблены в него. Поэтому иногда (простим им это) дают ему несколько завышенные оценки. Так, они называют его вторым по значимости после Коши математиком Франции XIX в. (с. 9, 85). Его современниками были такие мастера, как С. Пуассон, Ж. В. Понселе, М. Шаль, Ж. П. Ф. Штурм и Ж. Лиувиль. Ламе как математик, конечно, уступает им по значимости, хотя если оценивать его совокупный вклад в физико-математические науки и их приложения, в частности, проявленный в его творчестве поразительный синтез всех существующих типов инженерной деятельности (теоретической, экспериментальной, проектной, экспертной), то вряд ли мы найдем равного ему среди современников. Сказанное дает ясный ответ на поставленный выше вопрос — что же нового по сравнению с книгой Ворониной сообщили в своем сочинении супруги Гузевичи? Очевидно, что все, основанное на архивах, оставшихся недоступными Ворониной, является абсолютно новым. Обе книги, таким образом, не конкурируют, но, скорее, друг друга дополняют.

Россия сыграла в жизни Ламе особую роль — здесь ему, совсем молодому человеку, еще не получившему каких-нибудь значимых результатов, не имевшему за своей спиной ни состояния, ни мощных покровителей, выпала удача оказаться в условиях, где смогли развернуться его недюжинные таланты. Надо было только много и упорно трудиться, а в способности к самоотверженному труду ему было мало равных. Он до конца жизни сохранял контакты (в частности, переписку) с русскими коллегами. К нему и к Клапейрону обращались за советами из Петербурга при решении сложных вопросов технического

образования. Он способствовал избранию в 1856 г. Остроградского членом-корреспондентом Академии наук Института Франции. «В последний раз я видел Ламе очень старым, глухим, болезненным и потерявшим память», — вспоминал его бывший ученик А. И. Дельвиг (двоюродный брат поэта А. А. Дельвига) (с. 84). «Он нанимал, — продолжал Дельвиг, — в Латинском квартале Парижа очень небольшую квартиру в 5-м, если не в 6-м этаже. Меня он не узнал и не мог припомнить, но с удовольствием отзывался о времени, проведенном им в России, и относился к ней с благодарностью».

В то же самое время научная, техническая и педагогическая деятельность Ламе в петербургский период

его жизни способствовала успешному развитию, прежде всего, инженерно-технической мысли в Российской империи, усвоению в России передовых принципов Парижской политехнической школы, кардинальным образом преобразовавших политехническое образование во всей Европе.

Мы должны быть искренне благодарны авторам — Дмитрию и Ирине Гузевичам — за превосходное исследование, за их самоотверженный труд, направленный на изучение развития политехнической школы в Европе XIX столетия, в том числе процесса становления русской инженерной традиции, наиболее яркие победы, которой пришлось уже на следующий XX в.

Немцы в России. Немецкий мир Санкт-Петербурга. Сб. статей / Отв. ред. Д. Дальманн, Г. И. Смагина. СПб.: Росток, 2015. 688 с. ISBN 978-5-94668-124-7

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА СТЕЦКЕВИЧ*

Рецензируемый сборник статей является продолжением серии изданий, объединенных общим заглавием «Немцы в России». Научный семинар, имеющий такое же название и регулярно устраивающий конференции, посвященные многоплановым аспектам русско-немецких научных и культурных связей, плодотворно работает в Санкт-Петербурге уже более 25 лет на базе Санкт-Петербургского

филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН и Библиотеки Академии наук¹.

Сборник 2015 года (одиннадцатый в серии) опубликован под общей редакцией Диттмара Дальманна и Галины Смагиной при финансовой поддержке Уполномоченного по делам культуры и средств массовой информации правительства Федеративной Республики Германии и философского факультета Рейнского универси-

* Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Россия, 199178, Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний пр., д. 57. E-mail: esstetskevich@yandex.ru.

¹ Смагина Г. И. Семинар «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи»: 20 лет деятельности // ВИЕТ. 2011. № 1. С. 178–188.